

Антон Шавлинский*

ЖАН-ЖАК РУССО О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТИ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИИ И «ВОЛЯХ НАЦИИ»**

Получено: 03.10.2021. Рецензировано: 05.11.2021. Принято: 02.12.2021.

Аннотация: Проблематика данной статьи построена вокруг напряжения между концепцией суверенитета органа и теорией демократии. Прежде всего, такое видение суверенитета не позволяет описать разнообразные формы народного участия в принятии коллективных решений: оно крайне скупо говорит о народе как о политическом акторе. Кроме того, концепция суверенитета органа не дает теоретических ресурсов для описания промежуточных инстанций, находящихся в пространстве между государством и индивидом. Традиция либеральной демократии подчеркивает важность наличия таких инстанций для сохранения народного контроля над государственными органами. Также идея суверенитета органа, сводя всю власть в единый законодательный орган, игнорирует запрос на самоуправление, исходящий от сообществ, живущих на территории одного государства и при этом объединенных определенной коллективной идентичностью. Сегодня теоретики демократии обращаются к концепциям федерализма, чтобы преодолеть рассмотренные выше ограничения, заданные концепцией суверенитета органа. Вместе с тем до сих пор концепции федерализма не слишком убедительно справлялись с описанием разнообразных форм народного участия в принятии коллективных решений. Прежде всего, с их помощью не удавалось последовательно обосновать наличие множественных центров принятия решений в рамках одной политики. В статье доказывается, что модель федеральной политики, предложенная Жан-Жаком Руссо в его поздней работе «Соображения об образе правления в Польше», объясняет, как в рамках одной политики возможно сосуществование множества центров принятия коллективных решений. Кроме того, эта модель дает понимание того, как может быть организовано участие граждан во множественных центрах принятия решений.

Ключевые слова: Жан-Жак Руссо, федерализм, «Федералист», Речь Посполитая, суверенитет, демократия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-201-226.

* Шаблинский Антон Ильич, старший преподаватель, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва); преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), ogoshebik@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5031-2657.

** © Шаблинский, А. И. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90101.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Чтобы реконструировать позднюю теорию федерализма Жан-Жака Руссо, нужен определенный повод, более-менее ясное понимание, почему нам сегодня может пригодиться концепция, на которую практически не обращали внимания историки политической мысли. В связи с этим данная статья начинается с развернутой постановки проблемы, которая, как нам думается, может быть решена благодаря незамеченной теории федерализма Руссо. Проблематика данной статьи построена вокруг напряжения между концепцией суверенитета органа и теорией демократии. Сам по себе термин «суверенитет органа» также нечасто встречается в русскоязычной литературе, поэтому мы предварим постановку проблемы небольшим экскурсом в его историю.

Термин «суверенитет органа» начал использоваться в работах немецких и французских юристов в конце XIX – начале XX вв. (Jellinek, 1914: 55; Malberg, 1920: 77) Георг Еллинек, а вслед за ним и Карре де Мальберг стали обозначать им концепции суверенитета, согласно которым изначальным носителем верховной власти считался народ, монарх или парламент. Прежде всего, Еллинек и Мальберг использовали термин «суверенитет органа» для критики концепции суверенитета Томаса Гоббса и Жана Бодена. Чтобы лучше понять эту критику, рассмотрим вкратце, какое понимание суверенитета отстаивали Еллинек и Мальберг.

Согласно Еллинеку, государство можно изучать, опираясь на две перспективы: социологическую и юридическую (Jellinek, 1914: 11). При этом в обоих случаях исследователь увидит — хоть и по-разному — три базовых элемента государства: территорию, население и власть. Главным оператором, позволяющим осуществить переход из социологической перспективы в юридическую, является элемент власти. Элемент власти позволяет категоризировать государственную территорию не просто как некоторый участок поверхности, но как место, где применяются законы государства. Опять же, элемент власти дает возможность увидеть в населении не просто группу индивидов, но носителей определенных прав и обязанностей (юридических статусов), реализация которых обеспечивается государственной властью. Наконец, саму себя власть определяет как ограниченную конституцией. В последнем случае речь о том, что Еллинек обозначил как самоограничение власти (*ibid.*: 394–434). Именно самоограничение власти, «связывание» себя законом, позволяет говорить о государстве как о субъекте права, как о юридическом лице. Во многом вдохновляясь кантовской идеей категорического императива,

Еллинек стремился доказать, что сущность государственного суверенитета заключается в самоограничении, а не в произвольном нарушении юридических норм (Kersten, 2021: 265).

Согласно Мальбергу, государство, юридическое лицо, есть персонификация нации (Malberg, 1920: 15). Это юридическое лицо основано на двух базовых элементах: конституции, которая задает способ функционирования государства, и суверенитете, государственной власти. Поскольку суверенитет свойственен нации только когда она персонифицирована в государстве, юридическом лице, нация не может обладать суверенитетом без институтов государства. Кроме того, суверенитет становится возможен только при наличии первого базового элемента государства, конституции. Наконец, поскольку нация может обладать суверенитетом, только когда персонифицирована в государстве, то национальный суверенитет может быть реализован исключительно органами государства, но не самой нацией (Malberg, 1922: 286).

Таким образом, и Еллинек, и Мальберг стремились обосновать ограничение суверенитета. При этом первый ход для них был общим: они предлагали помыслить суверенитет как характеристику абстрактного лица — государства (для Мальберга государство и нация фактически были синонимами). Нас интересует и следующий (также весьма сходный) их теоретический шаг. Государство как юридическое лицо не способно выражать свою волю непосредственно. Еллинек и Мальберг вслед за ним предлагали рассматривать монарха или парламент как «органы» государства, то есть как институты, которые формулируют волю государства, не являясь при этом изначальными носителями этой воли (Jellinek, 1905: 30; Malberg, 1922: 286). Если же пытаться увидеть в монархе, парламенте или даже народе изначальных носителей суверенитета, то мы, согласно Еллинеку и Мальбергу, поместим суверенитет в орган государства. Иными словами, будет иметь место «суверенитет органа» (Jellinek, 1914: 55; Malberg, 1920: 77). «Суверенитет органа» предполагает наличие неограниченной власти у определенного государственного института.

Ханна Арендт последовательно критиковала концепцию суверенитета за ее несовместимость с идеей политики. Вместе с тем если присмотреться к ее аргументам, то мы заметим, что они направлены в первую очередь против положений концепции суверенитета органа. Арендт в работе «О революции» пишет, что идея суверенитета в конечном счете противоположна множественности в политике в сфере человеческих действий (Arendt, 1990: 153). Следовательно, политика может иметь

место, только если произойдет отказ от идеала суверенитета. Последнее, согласно Арендт, было осуществлено в ходе Американской революции. В США возобладали идеал разделения власти, порождавший «еще больше власти». Арендт объясняет, что разделение власти, порождающее новую власть, было особым опытом колониальной жизни. Колонии представляли собой «содружества» центров власти: провинций, районов, городов (Arendt, 1990: 176). Эти центры власти не только осуществляли самоуправление, но и выдвигали своих представителей в колониальные органы. Данный опыт власти определил после американской войны за независимость организацию новой федеральной политики. Федеральный центр, согласно Арендт, получил власть не в результате отказа штатов от собственной власти, но в результате комбинации власти штатов (ibid.: 165). Таким образом, ни президент, ни Конгресс не претендовали на роль единственного носителя суверенитета. При этом, как замечает Арендт, если источником власти в США стало множество организованных центров (районы, города, штаты), то источником закона стала конституция (ibid.: 157). Подобное разделение источника власти и источника закона позволяло, согласно Арендт, обосновать подчинение власти закону.

В противоположность американской модели множественных центров власти идея суверенитета, ставшая базовой для теоретиков Французской революции, предполагала неограниченную власть народа (или парламента как представителя народа). Одновременно с этим идея суверенитета подразумевала, что народ есть источник как власти, так и закона. Две указанные особенности, за которые Арендт критикует данную концепцию суверенитета, во многом повторяют те аспекты суверенитета органа, которые критиковали Еллинек и Мальберг. Вместе с тем решение Арендт отличалось и было вдохновлено не идеей абстрактного государства как юридического лица, но особой концепцией политики и самоорганизующихся центров власти.

Майкл Хардт и Антонио Негри критикуют идею суверенитета не только в связи с наличием органа, который считается изначальным носителем суверенитета. Опираясь на концепцию правительственности Фуко, Негри и Хардт предлагают увидеть в идее суверенитета власть как совокупность дисциплинирующих практик, превращающих множество (multitude) в «упорядоченную тотальность» (Hardt & Negri, 2000: 88). Ключевым элементом государства, обеспечивающим распространение этих практик, становится бюрократия. Постепенно с расширением бюрократии отношения между обществом и властью, между множеством и государством инвертируются: теперь власть и государство начинают

«производить» общество. Негри и Хардт вслед за Фуко пишут о том, что с усилением этого «дисциплинирующего процесса» практики правительственности начинают структурировать сферу воспроизводства населения. Иными словами, кульминация современного суверенитета — это биовласть (Hardt & Negri, 2000: 89).

Итак, выше мы рассмотрели контекст возникновения термина «суверенитет органа», а также критику идеи, которую стали обозначать этим термином в начале XX в. Эта критика осуществлялась с позиций государственного суверенитета (Еллинек и Мальберг), с позиций политического идеала совместных действий в публичном пространстве (Арендт), с позиций «демократии множества» (Хардт и Негри). Вместе с тем в данной статье нас будет интересовать прежде всего критика суверенитета органа с позиций теории демократии.

Указанное понимание суверенитета порождает ряд проблем для демократии. Прежде всего, такое видение не позволяет описать разнообразные формы народного участия в принятии коллективных решений. Оно крайне скупо говорит о народе как о политическом акторе. Народ мыслится как изначальный источник власти, который, однако, навсегда отдает эту власть конкретному государственному органу и возвращает ее себе лишь изредка в дни выборов. В такой конструкции сложно помыслить иные центры принятия коллективных решений, кроме парламента. Опираясь на теории делиберативной демократии и прежде всего на теорию делиберативной полиархии, можно сказать, что отсутствие иных центров принятия коллективных решений ограничивает формы реализации политической свободы (Cohen & Sabel, 1998: 313–342; Fraser, 1990: 74–76; Mansbridge, 2007: 252–253).

Кроме того, концепция суверенитета органа не дает теоретических ресурсов для описания промежуточных инстанций, находящихся в пространстве между государством и индивидом. Традиция либеральной демократии подчеркивает важность наличия таких инстанций для сохранения народного контроля над государственными органами (Levy, 2007: 459–477). В противном случае государство, не будучи подотчетным населению, может попытаться ограничить свободу граждан (понимаемую в либеральной традиции прежде всего негативно).

Также идея суверенитета органа, сводя всю власть в единый законодательный орган, игнорирует запрос на самоуправление, исходящий от сообществ, живущих на территории одного государства и при этом объединенных определенной коллективной идентичностью. Это могут быть

сообщества, обладавшие ранее самостоятельной политией, но затем ставшие частью существующего государства. Это могут быть сообщества, не имевшие ранее свою политию, но определяющие себя через общность языка, ряд культурных институтов (Norman, 2006).

Наконец, принцип суверенитета органа не позволяет помыслить возникающие международные составные политии в рамках демократической теории. Указанное понимание суверенитета приводит нас к дихотомии: либо суверенитет принадлежит национальному государственному органу, либо он принадлежит международной организации. В пределах такой схемы невозможно описать международную составную политию, отличную от государства, но имеющую самостоятельное существование, не сводимое к действию многостороннего международного договора. Тем более в рамках указанной дихотомии невозможно определить демократические стандарты легитимности для такой международной политии (J. L. Cohen, 2012: 26–29).

Сегодня теоретики демократии обращаются к концепциям федерализма, чтобы преодолеть рассмотренные выше ограничения, заданные концепцией суверенитета органа. Ряд авторов видят в федерализме идею множественных центров принятия решений, которая позволяет подробно описать участие народа в принятии коллективных решений разного уровня (Amar, 1994: 1229–1249). Другие авторы подчеркивают возможности, которые предлагает федералистская традиция для описания промежуточных инстанций, позволяющих гражданам осуществлять контроль над центральным правительством (Elazar, 1987: 99–104). Часто к концепции федерализма обращаются, чтобы описать сферу самоуправления сообществ, объединенных коллективной идентичностью и находящихся на территории одного государства (Norman, 2006:). Наконец, сегодня в традиции федерализма ищут теоретические ресурсы, чтобы сформулировать концепцию федералистских союзов, международных составных политий и определить критерии легитимности их решений (Beaud, 2007; J. L. Cohen, 2012; Forsyth, 1981). Обращение к идеям федерализма при решении рассмотренных выше проблем не является особенностью только сегодняшней демократической теории. На протяжении нескольких столетий теоретики народного суверенитета периодически возвращались к принципам федерализма, стремясь выйти за пределы концепции суверенитета органа.

Одна федералистская логика — идущая от Юния Брута (Jurius Brutus, Languet, 2003) через Альтузия (Althusius, Carney, 1995) к Бакунину (Бакунин, 1989), — защищая народный суверенитет и выступая против

суверенитета органа, говорит об учредительной власти народа. Частные союзы создают ассоциации, которые объединяются в провинции, а те, в свою очередь, — в более крупные сообщества. Сегодня эту логику продолжают развивать Оливье Бо и Джин Коэн, которые говорят о государствах, объединяющихся в федеральные союзы, и о демосе, состоящем из демосов. Так, народный суверенитет понимается в первую очередь в категориях основания народами (или коммунами, провинциями в работах более ранних авторов) союзов либо присоединения, выхода из существующих союзов. Иными словами, народный суверенитет понимается прежде всего как учредительная власть народа. С одной стороны, это позволяет говорить о том, что за составными частями федеральной политики сохраняется самостоятельность: они могут при определенных обстоятельствах покинуть федеральную политику, войти в состав иного союза. Конечно, такое положение дел отрицает абсолютистский принцип суверенитета органа. Вместе с тем данная логика не слишком подробно описывает участие народа в принятии коллективных решений. Как обращение к принципам федерализма позволяет описать участие народа в принятии коллективных решений, не ограничиваясь теми формами участия, которые задаются идеей суверенитета органа? Возможно ли дать такое описание, оставаясь в пределах модели единой федеральной политики, не состоящей из суверенных государств?

На эти вопросы отвечает другая федералистская логика, которую можно обнаружить как в «Федералисте» (Hamilton, Madison & Jay, 2008: 192) и текстах, наследующих ему (среди которых труды одного из наиболее известных теоретиков федерализма XX в. Дэниела Элазара), так и в работах правоведов, занимающихся проблемами социологии права, прежде всего в текстах Ойгена Эрлиха. Авторы «Федералиста», определяя статус штатов, входящих в состав США, воспользовались концепцией разделенного суверенитета, согласно которой народ передает часть суверенитета центральному правительству, а часть — правительствам штатов. Вместе с тем оставалось неясным, какой именно народ передает суверенитет: народ США или народы штатов. Впоследствии концепция разделенного суверенитета (вместе с описанной проблемой «передачи» суверенитета) стала общим местом для теоретиков федерализма XX в., в том числе для Элазара. Ойген Эрлих пишет о трех типах правопорядков: государственном правопорядке (Эрлих, Антонов, 2011: 179), правопорядке юристов (там же: 414) и «живом праве» социальных союзов (там же: 96), находящихся на территории государства и сосуществующих в одной политике. Он доказывает, что у права не может

быть одного источника (будь то воля народа или воля государства как юридического лица), что позитивное право государства часто является нормативным закреплением норм «живого права», существующего в социальных союзах. Таким образом, с одной стороны, эта федералистская логика отрицает монополию центрального правительства на правотворчество (как в случае «Федералиста» и традиции, связанной с ним, так и в случае Эрлиха) и, как следствие, возможность локализации суверенитета в едином органе. Вместе с тем она не дает окончательного ответа на вопрос о статусе центров власти, обладающих своим правом порядком (будь то штаты или «социальные союзы»).

На наш взгляд, более последовательный ответ на вопрос о формах народного участия в рамках модели единой политики дает поздняя концепция федерализма Жан-Жака Руссо. Эта концепция была предложена им в работе «Соображения об образе правления в Польше». Во-первых, она показывает, как может быть реализован принцип федерализма в единой политике, не включающей суверенные государства. Во-вторых, эта федералистская модель объясняет, как в рамках одной политики возможно сосуществование множества центров принятия коллективных решений. В-третьих, она дает понимание того, как может быть организовано участие граждан во множественных центрах принятия решений.

О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТИ МЕЖДУ СЕЙМИКАМИ И СЕЙМОМ

Согласно завещанию Болеслава I, первого короля Польши, Королевство Польское было разделено на 5 графств, перешедших 5 его сыновьям. Среди 5 образовавшихся графств главным считалось Сеньориальное графство, княжество Краковское. Оно не переходило по наследству, но передавалось старшему в роду. Глава этого княжества определял, с кем Королевство Польское будет вести войну, а с кем заключит союз. Довольно скоро между сыновьями Болеслава начались войны за власть в Сеньориальном графстве. Конфликты стали возникать и в самих графствах. В течение следующих 200 лет 5 графств распались на множество малых графств (Davies, 2005: 60).

Важной особенностью графств было то, что в них практически отсутствовала феодальная иерархия (Frost, 2015: 63). Землевладельцы графств приносили присягу напрямую графу, который в свою очередь контролировал своих вассалов, не позволяя им принимать других вассалов. Такая социальная организация способствовала разрастанию дворянских геральдических кланов, основанных главным образом на горизонтальных связях. Дворянский статус, согласно наследственному

праву, распространенному на территориях графств, передавался всем сыновьям шляхтича, между которыми делилась земля отца. Постепенное закрепление аллодного статуса за землей, которой изначально владели на основании «рыцарского права», обязанность землевладельцев служить графу напрямую — две эти особенности затруднили распространение феодализма «западно-европейского образца» на территориях польских графств (Frost, 2015: 63).

В 1306 г. графом (князем) Кракова стал Владислав I Локоток (Davies, 2005: 77). Владислав в течение 20 лет вел войны с другими польскими графствами, стремясь создать единое королевство. Не будем предлагать здесь подробное описание его походов; заметим лишь, что, подчинив множество графств, в 1319 г. Владислав получил согласие на коронацию от папы Римского Иоанна XXII, а в 1320 г. она состоялась (ibid.: 60–61). Начиная с правления Владислава в Польском королевстве происходили реформы, направленные на его централизацию (ibid.: 63). Постепенно основной территориальной единицей в королевстве стали провинции, образования, охватывающие территории бывших графств, либо части их территорий (ibid.: 90; Frost, 2015: 94). В королевстве при правлении Владислава I и его сына Казимира III формировалась централизованная система управления с представителями королевской власти в провинциях (Davies, 2005: 63). В течение XV в. наряду с провинциями короли на территории бывших графств учреждали также воеводства. Воеводства были меньшими территориальными единицами, входившими в состав провинций.

Таким образом, с одной стороны, на территории Польского королевства к XV в. существовало множество дворянских геральдических кланов, основанных на горизонтальных связях. С другой стороны, в течение XV в. в королевстве выстраивалась особая система территориального устройства, главными единицами которой были воеводства и провинции. Как более крупные провинции, так и воеводства формировались либо на территории, либо на части территории бывших графств, обладавших определенной автономией до включения в состав Польского королевства в XIV в. Оба рассмотренных обстоятельства позволяют нам лучше понять контекст возникновения сеймиков.

До 1320 г., до коронации Владислава I и создания Польского королевства, в разрозненных графствах Польских земель существовали судебные органы, известные как общие собрания (*colloquia generata*), состоявшие из светской и церковной знати и собиравшиеся на регулярной основе (Frost, 2015: 238). После того как графства были присоединены

Владиславом I к Польскому королевству, власть в графствах постепенно стала переходить от провинциальной элиты к представителям короля. С одной стороны, в провинциях (появившихся на территориях бывших графств) сохранялись общие собрания, с другой стороны, возникли собрания королевских сановников (*conventiones dominorum terrae*), на которых обсуждались вопросы права и управления в провинции (Frost, 2015: 238).

Постепенно в королевстве усиливалось экономическое и политическое влияние геральдических дворянские кланов, шляхты. С 1382 г. в провинциях и воеводствах стали распространяться собрания местной знати (*consilia generates* или *sejmiki*). К 1420 г. сеймики регулярно собирались в Великопольский провинции, а также в воеводствах этой провинции (*ibid.*). В Малопольской провинции был лишь провинциальный семик. В сеймиках участвовали также представители королевской власти. Вместе с тем их влияние на решения сеймиков было не слишком заметно (в особенности в воеводствах Великопольской провинции). Это отличало сеймики от общих собраний шляхты, которые периодически проводились в Польском королевстве. В ходе последних магнаты, представители наиболее состоятельных слоев шляхты, довольно быстро договаривались по всем важным вопросам с королевскими сановниками, зачастую игнорируя голоса представителей остальной шляхты (*ibid.*: 239). В связи с таким положением дел постепенно установился обычай, требующий от короля до собрания всей шляхты провести предварительные консультации со шляхтой на уровне воеводств и провинций. В 1454 г. этот обычай приобрел статус писаного права, после того как король Казимир IV признал за шляхтой ряд привилегий, которые были письменно зафиксированы и получили название Нешавских статуты (*ibid.*). Король должен был проводить консультации со шляхтой на провинциальных сеймиках. В первую очередь речь шла о вопросах военной мобилизации и новых налогах. Без согласия сеймиков король не мог выносить эти вопросы на обсуждения в общих собраниях шляхты. В 1496 г. Польский Сейм принял Петрковский статут, в соответствии с которым обязательные консультации должны были проходить и с сеймиками воеводств (*ibid.*: 240).

Нешавские и Петрковский статуты стали ядром консенсуальной системы, основанной на локальных политических сообществах воеводств. Впоследствии эта система распространилась в Речи Посполитой, которая образовалась после заключения в 1569 г. Люблинской унии между Польским королевством и Литовским графством. С 1569 г. воеводства

стали основными территориальными единицами новой союзной политики (Frost, 2015: 473). В Речи Посполитой наряду с сеймиками стал функционировать на постоянной основе общий Сейм (*ibid.*: 476). Сеймики, с одной стороны, принимали нормы, обязательные на территории воеводств. С другой стороны, они посылали в общий Сейм депутатов, обязанных голосовать в соответствии с инструкциями, которыми их снабдил сеймик. Эта схема была эволюцией модели согласования, закрепленной в Нешавских и Петрковских статутах. В итоге в Речи Посполитой сложилась система территориального разделения власти между сеймиками и Сеймом, которая при этом не требовала суверенитета локальных сообществ, воеводств.

Разрабатывая план переустройства для Речи Посполитой, Жан-Жак Руссо старался вносить минимальное количество изменений в существующее устройство (Руссо, Занин, 2013: 499)¹. В итоге его работа подобрала описанную систему разделения власти между сеймиками и Сеймом. С другой стороны, Руссо предложил обширной политике план федерализации, который предполагал разделение Речи Посполитой «на столько государств, сколько в ней воеводств». Руссо, не раз говоря о том, что только федерация может сочетать в себе преимущество больших и малых государств, делает явные отсылки к аргументу Монтескье (Монтескье, Горнфельд, 2019: 125) (Руссо, Занин, 2013: 516, 556). При этом важно заметить, что Монтескье использовал язык новой системы международных отношений для описания конфедераций². Члены его

¹В дальнейшем мы будем цитировать этот текст Руссо по русскоязычному изданию 2013 г. с переводом С. В. Занина. Мы будем отсылать читателя к оригиналу, лишь когда русский перевод не позволит увидеть важных для нас теоретических различий.

²Концепция суверенитета легла в основу совершенно нового конгломерата идей, собранных под термином «международные отношения». Жан Боден в XVI в. не только отказывается от существования *Res publica Christiana*, не только оспаривает Римское *jus gentium*, но и начнет формулировать теорию международных отношений, основанную на договорах между независимыми сторонами (национальными государствами) (Riley, 2009: 103–104). Томас Гоббс пойдет в этом же теоретическом направлении, заявив, что справедливость может иметь место лишь в рамках отдельного государства. В то же время отношения между отдельными государствами аналогичны отношениям между людьми в естественном состоянии (*ibid.*: 105). Они не связаны *jus gentium* и не подчиняются *Res publica Christiana*. Лишь воля конкретного государства, аналогично воле конкретного индивида, может связать его обязательством. Так было положено начало доктрине международных отношений нового времени. Ее идейный фундамент — национальное государство как единственная легитимная политическая единица; отношения между этими государствами, основанные на договорах. Воля — не разум — полагалась основанием политического обязательства. Следовательно, государство могло быть ограничено лишь тем

конфедерации были независимыми, суверенными государствами. Отсюда и первоначальное приравнивание статуса воеводств к государствам в плане Руссо.

Однако почти сразу Руссо уходит от тезиса Монтескье о суверенитете республик, составляющих конфедерацию. При детальном рассмотрении статуса воеводств в «Соображениях об образе правления в Польше» становится очевидно, что воеводства имели мало общего с независимыми государствами. С одной стороны, их сеймики принимали собственные законы, действующие на территории воеводства. С другой стороны, Руссо допускал распространение законодательства Речи Посполитой на внутренние дела сеймиков. Он запрещал им протестовать против принятых законов. Но как тогда может сохраниться самоуправление воеводств? Как Руссо в целом концептуализирует статус воеводств Речи Посполитой?

О СТАТУСЕ ВОЕВОДСТВ В «СООБРАЖЕНИЯХ ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ»

Руссо предлагал организовать в каждом воеводстве Польши свое правительственное учреждение и преобразовать существующие сеймики (собрания знати) таким образом, чтобы в каждом воеводстве был один сеймик. Последний должен был стать законодательным органом воеводства. Руссо предлагает формировать Сейм Речи Посполитой из представителей воеводств, причем каждого представителя от воеводства (нунция) сеймик должен был снабжать инструкциями, в которых отражена воля жителей воеводства. Нунций обязывался следовать этим инструкциям (Руссо, Занин, 2013: 525).

Некоторые интерпретаторы связывали институт депутатских инструкций в первую очередь с попыткой Руссо сохранить принцип неотчуждаемости общей воли. Строгое соблюдение нунциями выданных им инструкций, согласно Урбинати, позволяло говорить о том, что нунции фактически не принимали решений самостоятельно, но лишь исполняли волю народа (Urbinati, 2012: 646–667). Урбинати, однако, не поясняет свой тезис. Вместе с тем Руссо говорит о том, что депутат должен выражать волю жителей воеводства. Можем ли мы в таком случае говорить, что сейм выражает общую волю, а не просто сумму воль всех воеводств?

же образом, что и индивид в процессе заключения общественного договора, — посредством собственного согласия. Наконец, к этому добавлялась идея равного правового статуса всех государств.

Кит Бейкер пишет, что в «Соображениях об образе правления в Польше» Руссо попытался совместить теорию общей воли и традиционную практику представительства, характерную для Дореволюционной Франции (Baker, 1990: 237). Эта практика предполагала, что члены Генеральных Штатов, во-первых, представляют конкретные сословия. Во-вторых, делегаты сословий получают от более узких групп населения внутри сословий письменные указы (*sahiers de doléances*, «тетради жалоб» в буквальном переводе), в которых выражается то или иное пожелание. В-третьих, предполагалось, что представители должны выступать перед королем в качестве посыльных с наказами. Иными словами, представители были ограничены в своих действиях этими наказами, которые можно было охарактеризовать как императивные мандаты (*ibid.*). Проблема, однако, в том, что идея императивного мандата, изначально появившаяся в поделенном на группы сословном обществе, оказывалась плохо совместима с идеей гомогенного общества общей воли. Таким образом, политическая теория Руссо либо исключала возможность политической репрезентации вовсе, либо допускала репрезентацию, предполагавшую скорее партикуляризм, нежели единую нацию (*ibid.*: 237–238). Итак, в Польском проекте Руссо сталкивается с серьезной проблемой. Если в Речи Посполитой существуют отдельные воеводства и их представляют депутаты, связанные императивным мандатом, то в Сейме Речи Посполитой мы обнаруживаем лишь воли отдельных воеводств, а не волю всей нации.

Ежи Михальски видит Польский проект Руссо иначе. Во-первых, он демонстрирует, сопоставляя проект графа Вильегорского³ (с которым Руссо ознакомился до написания «Соображений...») и «Соображения об образе правления в Польше», что «гражданин Женевы» ориентировался не на французскую модель императивного мандата, а на ту практику, которая была распространена в Речи Посполитой (Michalski, Butterwick-Pawlikowski, 2015: 63–70). Во-вторых, Михальски пишет, что Руссо не просто скопировал польский императивный мандат, но и предложил его переработать. Вильегорский изначально подвергал критике императивный мандат, склонен был считать, что последний—

³Участник Барской конфедерации, обратившийся к Руссо с просьбой составить проект переустройства Польши. Граф Вильегорский отправил Руссо исторические и нормативные документы, описывающие существующее устройство Польши, а также собственный проект реформ.

источник частных интересов. Однако Руссо, согласно Михальски, выступил с аргументом, в соответствии с которым инструкции депутатам передает общность всех голосующих (Michalski, Butterwick-Pawlikowski, 2015: 68). В таком случае сейм выражал общую волю голосующих, а не воли отдельных воеводств. Таким образом, инструкции становились гарантией выражения общей воли.

Ричард Фралин также считает, что Руссо вовсе не обязательно было отказываться от общей воли и национального единства в Польском проекте после ввода представительного правления и императивного мандата. Согласно Фралину, это единство сохранялось, однако не благодаря сейму, а благодаря «трансформации 33 сеймиков в активные центры политической жизни» (Fralin, 1978: 530–531).

Ниже мы попытаемся продемонстрировать, как Руссо удалось совместить общую волю Польши и многообразие воеводств, а также сохранить общую волю в условиях представительного правления и императивного мандата. С одной стороны, мы согласны с Бейкером в том, что Руссо видит в воеводствах конкретные сообщества, обладающие собственными волями. Однако мы не считаем, что Руссо ориентируется на модель императивного мандата из дореволюционной Франции. Мы придерживаемся позиции Михальски, согласно которой Руссо, полемизируя с Вильегорским, выдвигал новую версию императивного мандата и полномочий сеймиков. При этом, на наш взгляд, Михальски игнорирует, что воеводства, согласно Руссо, обладали волями. Но если воеводства обладают собственными волями, как инструкции воеводств могут отражать общую волю Речи Посполитой? На этот вопрос мы и попытаемся ответить.

Сначала поясним наш тезис о том, что воеводства в проекте Руссо обладают самостоятельными волями. Руссо косвенно говорит об этом, когда предлагает в каждом воеводстве организовать сеймик⁴.

Усовершенствуйте внешний облик сеймиков, распространите их власть на соответствующие воеводства; но четко проведите границы и сделайте так, чтобы ничто не смогло разорвать между ними связь, основанную на общности законодательства и подчинении организму республики (Руссо, Занин, 2013: 516).

В этом отрывке Руссо не только признает законодательную власть в воеводстве, но и сразу же обозначает ее пределы:

⁴К моменту написания трактата Руссо не все воеводства Малопольской провинции имели сеймики.

...чтобы ничто не смогло разорвать между ними [воеводствами] связь, основанную на общности законодательства и подчинении организму республики.

С одной стороны, сеймики являются органами прямой демократии: в них участвует вся шляхта воеводства. В этом смысле они, конечно, напоминают ассамблеи из трактата «Об общественном договоре», на которых выяснялась воля политического сообщества. С другой стороны, в Речи Посполитой существовал имущественный ценз: лишь обладатели земельной собственности могли иметь право голоса на сеймиках. Руссо не решается сразу рекомендовать отмену этого ценза, однако скромно замечает, что право быть гражданином не должно зависеть от наличия у жителя воеводства земельной собственности (Руссо, Занин, 2013: 547):

В отношении же ценза, определяющего количество земель во владении благородного, позволяющее ему участвовать в сеймике, усматривая в этом как благо, так и зло и, будучи недостаточно знаком со страной, чтобы иметь возможность сравнивать его влияние, я не осмеливаюсь полностью решить этот вопрос. Без сомнения, было бы желательно, если бы гражданин, имеющий голос в воеводстве, владел там какими-нибудь землями. Но мне не хотелось бы, чтобы их количество определяло закон. Считая имуществом вещь важной, позволительно ли вполне пренебрегать людьми? Как же так? Из-за того, что у дворянина или много, или мало земли, он перестанет быть свободным и благородным? И является ли самая его бедность преступлением столь значительным, что у него отнимают права гражданина?

Здесь важно сразу разобраться со следующим вопросом. Руссо, хоть и подразумевает наличие воли у воеводства, довольно ясно дает понять, что последние не обладают суверенитетом. В первую очередь это выражается в том, что сеймикам воеводств запрещено опротестовывать принятый в общепольском Сейме закон. Руссо замечает (там же: 525):

...не должно никогда допускать спора о полномочиях сейма и сеймиков, и когда закон вынесен на рассмотрение сейма, я не оставляю за сеймиками даже права возражать. Пусть сеймики наказывают своих нунциев, пусть даже, если потребуется, отрубают им головы, когда они нарушают свой долг, но пусть они полностью, всегда, всецело и безропотно повинуются [...]

Кроме того, как мы уже замечали, Руссо пишет о том, что законодательство воеводств не должно противоречить законодательству Речи Посполитой:

...сделайте так, чтобы ничто не смогло разорвать между ними [воеводствами] связь, основанную на общности законодательства и подчинении организму республики.

Наконец, законы Речи Посполитой распространяют свое действие напрямую на жителей воеводств. Все эти три принципа существенно отличают модель Руссо от модели, которую предлагает Монтескье, и в целом от моделей конфедераций независимых государств. При этом мы считаем, что воеводства не являются для Руссо и просто собранием частных организаций внутри государства. Хотя они и не делят суверенитет с Речью Посполитой, мы считаем, что они — носители общей воли Речи Посполитой наряду со своей собственной волей.

ВОЛИ НАЦИИ

Для подкрепления нашего тезиса мы сначала покажем, что принятие инструкции для депутатов сейма имело все признаки процедуры выражения воли. Затем мы продемонстрируем, что инструкции, однако, не являлись выражением собственной воли воеводства, но были мнением воеводства об общей воле Речи Посполитой. Сначала поясним наш аргумент о том, что инструкции в принципе являются выражением воли. Во-первых, Руссо косвенно говорит об этом, когда утверждает, что нунций (депутат) должен озвучивать в сейме волю своих избирателей.

...Палата нунциев, не принимая и не будучи должной принимать никакого участия в тонкостях управления, вообще не уполномочена обсуждать что-либо, заранее не предвиденное: впрочем, если только нунций не сделал что-либо противное *явному волеизъявлению своих избирателей*, они не должны считать за проступок то, что он подает свой голос как добрый гражданин по вопросу, который они не предусмотрели и по которому они ничего не определили (Курсив наш — А. Ш.) (Руссо, Занин, 2013: 525).

Из этого отрывка следует, что инструкции, которые члены сеймика, т. е. шляхта воеводства, передают своему депутату, есть явное волеизъявление (в оригинале «l'expresse volonté» или, если буквально, «выраженная воля») (Rousseau, 1782: 455–456).

Во-вторых, если мы обратимся к процедуре составления наказов (инструкций), мы увидим, что последние не просто должны выражать мнение разных дворянских групп воеводства, но и должны быть согласованы (*été consenties*) на собрании всей шляхты воеводства (*en pleine assemblée*): «...la noblesse ne doit point se séparer que ces instructions n'aient été lues discutées & consenties en pleine assemblée» (*ibid.*: 454–455). В этом смысле составление инструкций напоминает процедуру выражения общей воли в соответствии с описанием из трактата «Об

общественном договоре». Более того, шляхта не может расходиться, пока инструкции не будут согласованы (*ne doit point se séparer*).

Таким образом, инструкции выражают волю воеводства. Но что это за воля? На наш взгляд, воеводство является носителем не только собственной воли, но и общей воли Речи Посполитой. В таком случае инструкции — мнение воеводства об общей воли Речи Посполитой. Для подтверждения нашей гипотезы заметим, во-первых, что общепольский Сейм, в который посылаются депутаты с инструкциями, должен выражать общую волю. В той же 7 главе мы найдем, что

закон, являющийся выражением общей воли, есть итог, полученный вследствие сочетания всех соображений частной выгоды, уравновешенных их большинством (Руссо, Занин, 2013: 529).

Это определение закона полностью соответствует тому, что мы встречаем в трактате «Об общественном договоре». Но не является ли эта общая воля лишь суммой мнений волей отдельных воеводств?

Мы считаем, что ответ на этот вопрос кроется в еще одном определении закона, которое Руссо дает в 7 главе: «...la loi ne soit jamais que l'expression réelle des volontés de la Nation» (Rousseau, 1782: 455–456). Закон никогда не должен быть чем-либо иным, кроме как истинным выражением воли Нации. Итак, с одной стороны, закон есть выражение общей воли. С другой стороны, закон есть выражение воли Нации. Руссо не единожды использует загадочное словосочетание «воли Нации». Он пишет (*ibid.*: 454–455):

...car enfin, ce n'est pas pour y dire leur sentiment particulier, mais pour y déclarer les volontés de la Nation qu'elle envoie des Nonces à la Diète.

Нунции отправляются в сейм, чтобы озвучивать не свои частные интересы, но воли Нации.

Итак, Руссо пишет не только о волях воеводств, общей воле, но и о волях Нации. Воли Нации — парадоксальная конструкция. Напомним, в трактате «Об общественном договоре» Руссо не говорил о том, что у коллективного лица может быть много волей. Наоборот, суверен обладает единой общей волей. Сообщество внутри государства может обладать своей общей волей, частной по отношению к общей воле государства. Однако эта частная воля так и остается волей сообщества, не имея отношения к самому государству. Ее нельзя назвать одной из волей государства. Следовательно, воли Нации не могут быть суммой частных волей отдельных сообществ внутри государства, так как воли

последних, строго говоря, не имеют отношения к нации. На первый взгляд, проблема приравнивания закона к сумме волей отдельных воеводств отстывает. Если закон есть выражение воли Нации, то он не может быть просто суммой частных волей. Каков в таком случае статус воли Нации? На наш взгляд, «воли Нации» есть мнения воеводств об общей воле Речи Посполитой.

Аргумент в пользу того, что инструкции воеводств являются мнением воеводства об общей воле Речи Посполитой, мы найдем, если обратимся к деталям процедуры составления инструкций. Руссо пишет (Руссо, Занин, 2013: 524):

Наказы нунциям надлежит составлять со всей тщательностью как в отношении вопросов, объявленных в повестке дня, так и в отношении насущных потребностей государства или провинции: и это следует делать в комиссии, состоящей из членов, избранных большинством голосов, под председательством, если можно его так назвать, маршала сеймика; и дворянству непозволительно ссылаться на то, что эти указы не были прочитаны, обсуждены или одобрены на собрании.

Выше мы уже приводили цитаты из этого фрагмента в оригинале. В русском переводе есть некоторые неточности. Например, вместо «дворянству непозволительно расходиться, пока эти указы не были прочитаны, обсуждены или одобрены на всеобщем собрании» переводчик пишет о том, что дворянству «непозволительно ссылаться на то, что эти указы не были прочитаны». Переводчик также опускает определение «всеобщее», характеризующее собрание. Это может ввести читателя в заблуждение относительно характера одобрительной процедуры. Однако в данный момент нас особенно интересует характеристика вопросов, которые обсуждаются на собрании:

Наказы нунциям надлежит составлять со всей тщательностью как в отношении вопросов, объявленных в повестке дня, так и в отношении насущных потребностей государства или провинции [...].

После прочтения этой части предложения может остаться непонятным, о какой «повестке дня» идет речь и почему вопросы, объявленные в повестке, отделяются от вопросов провинции.

Переводчик использует словосочетание «вопросов, объявленных в повестке» для перевода французского понятия «*les articles annoncés dans les universaux*». Если мы обратимся к изданию трудов Руссо 1859 г. с комментариями Луи Петитана, мы найдем сноску, в которой Петитан

поясняет, что словом *les universaux* Руссо обозначил письма, рассылаемые от имени короля в сеймики, приглашающие к собранию в общепольском сейме и содержащие вопросы, которые будут обсуждаться в сейме (Rousseau, 2007: 451). Более того, если мы обратимся к словарю Фюретьера, мы поймем, что Руссо использовал слово *les universaux* не случайно. Этот французский термин уже в XVII в. применялся для обозначения писем, которые рассылались в сеймики, специально собираемые, чтобы составить инструкции и выбрать депутатов в общий сейм (Furetière, 1690). Иными словами, сеймики собирались как для решения вопросов, касающихся воеводства непосредственно, так и в отдельном порядке для обсуждения вопросов, которые планировалось выносить на голосование в общепольском Сейме. Для нас важно, что, используя понятие *les universaux*, Руссо демонстрирует свою осведомленность касательно видов созывов сеймиков, их процедурных особенностей.

Это позволяет вернуться к вопросу о том, проводил ли Руссо различие между сценарием, по которому воеводство через сеймик выражало свою волю относительно собственных, «внутренних» законов, и сценарием, по которому воеводство через сеймик выражало мнение об общей воле Польши. Итак, Руссо делал различие между видами сеймиков (точнее между видами их созывов). Он понимал, что сеймики, составляющие инструкции, высказываются по вопросам, касающимся всей Польши, а не только пытаются осветить в инструкциях вопросы, волнующие лишь воеводство. Принимая во внимание, что Руссо проводил различия между указанными процедурными особенностями, мы считаем, что на «предсеймовых» сеймиках выражалось мнение об общей воле. Думается, что именно так следует трактовать парадоксальное на первый взгляд понятие «воля Нации». Последние есть совокупность мнений об общей воле Речи Посполитой. Следовательно, воеводства являлись носителями не только воли воеводств, но и общей воли Речи Посполитой. Рассмотрим еще один аргумент в пользу нашего тезиса.

Если мы обратимся к процедуре голосования в Сейме, то обнаружим, что она похожа на процедуру голосования по поводу общей воли. Напомним, что в соответствии с последней граждане, собравшись вместе, высказывают свое мнение о том, в чем состоит общая воля по тому или иному вопросу (Руссо, Хаютин, 1998: 292). Депутат в сейме фактически проделывает ту же работу, но выражает не собственное мнение относительно общей воли, а мнение, закрепленное в инструкциях (Руссо, Занин, 2013: 532–533). Руссо критикует подсчет голосов депутатов по группам, требует, чтобы несколько депутатов от одного воеводства голосовали

не вместе, а поодиночке (Руссо, Занин, 2013: 532–533). Прочитав это требование, мы можем подумать, что Руссо все-таки видел опасность столкновения воли воеводств в сейме (а значит, тезис о том, что в инструкциях отражена воля самих воеводств, а не их «мнение» об общей воле Речи Посполитой, выглядит предпочтительнее). Однако в качестве альтернативы этому механизму он предлагает усиление зависимости депутатов от инструкций. Не похоже, что Руссо боится столкновения воли воеводств в сейме. Из абзаца, посвященного законодательной процедуре, становится ясно, что Руссо боялся не выражения собственных воли воеводств в сейме, а подкупа депутатов воеводства со стороны королевского двора (там же: 533). Если депутаты от одного воеводства голосуют вместе, их легче подкупить. В качестве противоядия Руссо предлагает усилить зависимость депутатов от инструкций (там же). Рассмотрение инструкций как барьера, противостоящего частным интересам членов королевского двора, еще раз склоняет нас к выводу о том, что Руссо рассматривает волю воеводства, запечатленную в инструкции на «предсеймовом» сеймике, не просто как еще одну частную волю (собственную волю воеводства), но как мнение воеводства об общей воле Речи Посполитой. Голоса должны подаваться публично, во всеуслышание: это впоследствии позволит жителям воеводства оценить работу своего депутата, насколько точно тот следовал инструкциям. Описание законодательной процедуры Руссо завершает ссылкой на 2 главу 4 книги трактата «Об общественном договоре», о которой мы упоминали выше.

Итак, главной особенностью процедуры голосования в Сейме (по сравнению с процедурой из трактата «Об общественном договоре») является то, что депутат ориентируется не на собственное мнение об общей воле, но на инструкцию воеводства. Эта особенность заставляет нас предположить, что воеводства обладали как собственной, так и общей волей Речи Посполитой, мнение о которой выражалось в инструкциях. К этому же выводу нас склоняет различие, проводимое Руссо между созывами сеймиков, на которых принимались законы воеводства, и созывами сеймиков, на которых составлялись инструкции для депутатов. Этот вывод позволяет нам понять смысл парадоксального термина «воли Нации». У Нации может быть множество воли, если они имеют статус мнения об общей воле. Напомним также, что Руссо в определении закона использовал термин «общая воля» и «воли Нации» как взаимозаменяемые. Их взаимозаменяемость может объясняться опять же тем, что воли Нации — это мнения воеводств относительно общей воли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы продемонстрировали, что воеводства в проекте Руссо обладают как собственной волей, так и общей волей Речи Посполитой. Здесь можно провести аналогию с личностной структурой индивида, которую Руссо подробно описывает в трактате «Об общественном договоре». Гражданину присуща как частная воля, так и воля общая, воля политического сообщества, членом которого гражданин является (Руссо, Хаютин, 1998: 211). В начале статьи мы задавались вопросом о том, как Руссо удалось совместить общую волю Речи Посполитой и воли воеводств. В рамках этого вопроса нас интересовало прежде всего, как Руссо смог сохранить общую волю в условиях представительного правления и императивного мандата. Наш ответ таков: воеводство обладало не только своей «частной» волей, но и общей волей Речи Посполитой. Инструкции, которым были обязаны следовать депутаты, являлись мнением воеводства об общей воле. Следовательно, императивный мандат нельзя считать угрозой для общей воли Речи Посполитой. Наоборот, инструкции были гарантией того, что общая воля будет сформулирована депутатами в Сейме.

Сейм Речи Посполитой, показанный Руссо в «Соображениях об образе правления в Польше», не был похож на парламенты конфедераций, о которых писал Монтескье. Этот Сейм не состоял из представителей независимых республик. Тем более его нельзя назвать собранием послов по аналогии с Сеймом Европейской Конфедерации из работ аббата Сен-Пьера. Представительный орган Речи Посполитой являлся национальным институтом, который должен был проявлять общую волю.

Теперь мы можем вернуться к проблеме двойного суверенитета, которую мы обсуждали во введении. Напомним, что авторы «Федералиста», стремясь преодолеть принцип суверенитета органа и желая сохранить в некотором виде самоуправление штатов, предложили идею разделенного суверенитета. Однако было не до конца понятно, какой именно народ «разделяет» суверенитет и перераспределяет его между штатами и федеральным правительством. Эта проблема в итоге не позволяла дать непротиворечивое описание статуса штатов. Концепция «воль Нации», предложенная Жан-Жаком Руссо, дает возможность избежать проблему двойного суверенитета и сформировать более последовательное представление о статусе составных частей федеральной политики. Воеводства являются носителями собственных волей — это позволяет говорить об их самоуправлении. Вместе с тем они являются носителями

общей воли Речи Посполитой. Последнее дает возможность не только объяснить их подчинение Сейму Речи Посполитой, но и описать их роль в принятии общепольских законов. Таким образом, федеральная схема Руссо позволяет нам помыслить, как возможно преодолеть принцип суверенитета органа и не столкнуться при этом с проблемой двойного суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

- Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. — М. : Правда, 1989.
- Монтескье Ш. де.* О духе законов / пер. с фр. А. Г. Горнфельда. — М. : РИПОЛ Классик, 2019.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре / пер. с фр. А. Д. Хаятина // Об общественном договоре, трактаты / под ред. Н. Д. Баньковской, Н. Д. Саркитова, А. Ф. Филишова. — М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. — С. 195–323.
- Руссо Ж.-Ж.* Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г. / пер. с фр. С. В. Занина // Политические сочинения / под ред. И. А. Исаева. — Спб. : Росток, 2013. — С. 497–589.
- Эрлих О.* Основоположение социологии права / под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова ; пер. с нем. М. В. Антонова. — Спб. : Университетский издательский консорциум, 2011.
- Althusius J.* *Politica* / aus dem Englischen übers. von F. S. Carney. — Indianapolis : Liberty Fund, 1995.
- Amar A. R.* Five Views of Federalism : Converse-1983 in Context // *Vanderbilt Law Review*. — 1994. — Vol. 47. — P. 1229–1249.
- Arendt H.* *On Revolution*. — London : Penguin Books, 1990.
- Baker K. M.* *Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Beaud O.* *Théorie de la Fédération*. — Paris : PUF, 2007.
- Cohen J. L.* *Globalization and Sovereignty : Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Cohen J., Sabel C.* Directly-Deliberative Polyarchy // *European Law Journal*. — 1998. — Vol. 3, no. 4. — P. 313–342.
- Davies N.* *God's Playground : A History of Poland*. — New York : Columbia University Press, 2005.
- Elazar D. J.* *Exploring Federalism*. — Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1987.
- Forsyth M.* *Unions of States*. — New York : Leicester University Press, 1981.
- Fralin R.* The Evolution of Rousseau's View of Representative Government // *Political Theory*. — 1978. — Vol. 6, no. 4. — P. 517–536.
- Fraser N.* Rethinking the Public Sphere : A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. — 1990. — Vol. 26, no. 25. — P. 56–80.

- Frost R.* The Oxford History of Poland Lithuania. — New York : Oxford University Press, 2015.
- Furetière A.* Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. — Haye : Arnout & Reinier Leers, 1690.
- Hamilton A., Madison J., Jay J.* The Federalist Papers. — NY : Oxford University Press, 2008.
- Hardt M., Negri A.* Empire. — Cambridge : Harvard University Press, 2000.
- Jellinek G.* System der subjektiven öffentlichen Rechte. — Tübingen : Verlag von J. C. B. Mohr, 1905.
- Jellinek G.* Allgemeine Staatslehre. — Berlin : Verlag von O. Häring, 1914.
- Kersten J.* The Normative Power of the Factual : Georg Jellinek's Phenomenological Theory of Reflective Legal Positivism // The Cambridge Companion to Legal Positivism / ed. by T. Spaak, P. Mindus. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — P. 248–271.
- Levy J. T.* Federalism, Liberalism, and the Separation of Loyalties // The American Political Science Review. — 2007. — Vol. 101, no. 3. — P. 459–477.
- Malberg R. C.* Contribution à la théorie générale de l'Etat : spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. En 2 t. T. 1. — Paris : Sirey, 1920.
- Malberg R. C.* Contribution à la théorie générale de l'Etat : spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français. En 2 t. T. 2. — Paris : Sirey, 1922.
- Mansbridge J.* “Deliberative Democracy” or “Democratic Deliberation”? // Deliberation, Participation and Democracy Can the People Govern? / ed. by S. W. Rosenberg. — New York : Palgrave Macmillan, 2007. — P. 251–272.
- Michalski J.* Rousseau and Polish Republicanism / trans. from the Polish by R. Butterwick-Pawlikowski. — Warsaw : Tadeusz Manteuffel Institute of History Polish Academy of Sciences, 2015.
- Norman W.* Negotiating Nationalism. Nation-building, Federalism, and Secession in the Multinational State. — New York : Oxford University Press, 2006.
- Riley P.* The Origins of Federal Theory in International Relations Ideas // Polity. — 2009. — Vol. 6, no. 1. — P. 87–121.
- Rousseau J.-J.* Collection Complète Des Œuvres De J. J. Rousseau. Considerations sur le gouvernement de Pologne et sur sa réformation projetées. — Geneve : Du Peyrou & Moultou, 1782.
- Rousseau J.-J.* Considérations sur le Gouvernement de Pologne // Deliberation, Participation and Democracy Can the People Govern? / sous la dir. de S. W. Rosenberg. — New York : Palgrave Macmillan, 2007. — P. 427–510.
- [*Stephanius Jurius Brutus*]. Vindiciae, Contra Tyrannos : Or, Concerning the Legitimate Power of a Prince over the People, and of the People over a Prince /

ed. by G. Garnett ; trans. from the Latin by H. Languet. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
Urbinati N. Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign // Politische Vierteljahresschrift. — 2012. — Vol. 53, no. 4. — P. 646–667.

Shablinskiy, A. I. 2021. “Zhan-Zhak Russo o razdelenii vlasti v federal'noy politii i ‘volyakh Natsii’ [Jean-Jacques Rousseau on the Separation of Powers in Federal Polity and ‘Wills of Nation’]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4), 201–226.

ANTON SHABLINSKIY

SENIOR LECTURER

PIROGOV RUSSIAN NATIONAL RESEARCH MEDICAL UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA)

LECTURER

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
 (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-5031-2657

JEAN-JACQUES ROUSSEAU ON THE SEPARATION OF POWERS IN FEDERAL POLITY AND “WILLS OF NATION”

Submitted: Jan. 03, 2021. Reviewed: Nov. 05, 2021. Accepted: Dec. 02, 2021.

Abstract: The problem of this article is built around the tension between the concept of organ sovereignty and democracy theory. First of all, this vision of sovereignty fails to describe the diverse forms of popular participation in collective decision-making. It speaks very sparingly of the people as a political actor. Moreover, the concept of organ sovereignty does not provide the theoretical resources to describe the intermediary bodies in the space between the state and the individual. The tradition of liberal democracy emphasises the importance of such bodies for maintaining popular control over state. Also, the idea of organ sovereignty, by reducing all power to a single legislature, ignores the demand for self-government coming from communities located within the same state and yet united by a certain collective identity. Today, democracy theorists are turning to the concepts of federalism in order to overcome the above-mentioned limitations set by the concept of organ sovereignty. So far, however, the concepts of federalism have not been very convincing in describing the various forms of popular participation in collective decision-making. Above all, they have failed to consistently justify the existence of multiple decision-making centres within a single polity. The article argues that the model of the federal polity proposed by Jean-Jacques Rousseau in his later work “Considerations on the mode of government in Poland” explains how within one polity multiple centres of collective decision-making can coexist. The model also provides an understanding of how citizen participation in multiple decision-making centres can be organised.

Keywords: Jean-Jacque Rousseau, Federalism, “Federalist”, The Polish-Lithuanian Commonwealth, Sovereignty, Democracy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-201-226.

REFERENCES

Althusius, J. 1995. *Política [Politics]* [in German]. Trans. from the English by F. S. Carney. Indianapolis: Liberty Fund.

- Amar, A. R. 1994. "Five Views of Federalism: Converse-1983 in Context." *Vanderbilt Law Review* 47:1229–1249.
- Arendt, H. 1990. *On Revolution*. London: Penguin Books.
- Baker, K. M. 1990. *Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bakunin, M. A. 1989. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika [Philosophy. Sociology. Politics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Pravda.
- Beaud, O. 2007. *Théorie de la Fédération* [in French]. Paris: PUF.
- Cohen, J. L. 2012. *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cohen, J., and C. Sabel. 1998. "Directly-Deliberative Polyarchy." *European Law Journal* 3 (4): 313–342.
- Davies, N. 2005. *God's Playground: A History of Poland*. New York: Columbia University Press.
- Ehrlich, E. 2011. *Osnovopolozheniye sotsiologii prava [Die Begründung der Rechtssoziologie]* [in Russian]. Ed. by V. G. Grafskiy and Yu. I. Grevtsov. Trans. from the German by M. V. Antonov. Spb.: Universitet-skiy izdatel'skiy konsortium.
- Elazar, D. J. 1987. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Forsyth, M. 1981. *Unions of States*. New York: Leicester University Press.
- Fralin, R. 1978. "The Evolution of Rousseau's View of Representative Government." *Political Theory* 6 (4): 517–536.
- Fraser, N. 1990. "Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy." *Social Text* 26 (25): 56–80.
- Frost, R. 2015. *The Oxford History of Poland Lithuania*. New York: Oxford University Press.
- Furetière, A. 1690. *Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts* [in French]. Haye: Arnout & Reinier Leers.
- Hamilton, A., J. Madison, and J. Jay. 2008. *The Federalist Papers*. NY: Oxford University Press.
- Hardt, M., and A. Negri. 2000. *Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
- Jellinek, G. 1905. *System der subjektiven öffentlichen Rechte* [in German]. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr.
- . 1914. *Allgemeine Staatslehre* [in German]. Berlin: Verlag von O. Häring.
- Kersten, J. 2021. "The Normative Power of the Factual: Georg Jellinek's Phenomenological Theory of Reflective Legal Positivism." In *The Cambridge Companion to Legal Positivism*, ed. by T. Spaak and P. Mindus, 248–271. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levy, J. T. 2007. "Federalism, Liberalism, and the Separation of Loyalties." *The American Political Science Review* 101 (3): 459–477.
- Malberg, R. C. 1920. [in French]. Vol. 1 of *Contribution à la théorie générale de l'Etat : spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français*. 2 vols. Paris: Sirey.
- . 1922. [in French]. Vol. 2 of *Contribution à la théorie générale de l'Etat : spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français*. 2 vols. Paris: Sirey.
- Mansbridge, J. 2007. "'Deliberative Democracy' or 'Democratic Deliberation'?" In *Deliberation, Participation and Democracy Can the People Govern?*, ed. by S. W. Rosenberg, 251–272. New York: Palgrave Macmillan.

- Michalski, J. 2015. *Rousseau and Polish Republicanism*. Trans. from the Polish by R. Butterwick-Pawlikowski. Warsaw: Tadeusz Manteuffel Institute of History Polish Academy of Sciences.
- Montesquieu, Sh. L. de. 2019. *O dukhe zakonov [De l'esprit des loix]* [in Russian]. Trans. from the French by A. G. Gornfel'd. Moskva [Moscow]: RIPOL Klassik.
- Norman, W. 2006. *Negotiating Nationalism. Nation-building, Federalism, and Secession in the Multinational State*. New York: Oxford University Press.
- Riley, P. 2009. "The Origins of Federal Theory in International Relations Ideas." *Polity* 6 (1): 87–121.
- Rousseau, J.-J. 1782. *Considerations sur le gouvernement de Pologne et sur sa réformation projetés* [in French]. In *Collection Complète Des Œuvres De J. J. Rousseau*. Geneve: Du Peyrou & Moulton.
- . 1998. "Ob obshchestvennom dogovore [Du contrat social; ou Principes du droit politique]" [in Russian]. In *Ob obshchestvennom dogovore, traktaty [On the Social Contract, Treatises]*, ed. by N. D. Ban'kovskaya, N. D. Sarkitov, and A. F. Filippov, trans. from the French by A. D. Khayutin, 195–323. Moskva [Moscow]: KANON-press / Kuchkovo pole.
- . 2007. "Considérations sur le Gouvernement de Pologne" [in French]. In *Deliberation, Participation and Democracy Can the People Govern?*, ed. by S. W. Rosenberg, 427–510. New York: Palgrave Macmillan.
- . 2013. "Soobrazheniya ob obraze pravleniya v Pol'she i o plane yego pereustroystva, sostavlennom v aprele 1771 g. [Considerations on the Way of Government in Poland and on the Plan for its Reorganization, Drawn up in April 1771]" [in Russian]. In *Politicheskiye sochineniya [Political Writings]*, ed. by I. A. Isayev, trans. from the French by S. V. Zanin, 497–589. Spb.: Rostok.
- [Stephanus Iurii Brutus]. 2003. *Vindiciae, Contra Tyrannos: Or, Concerning the Legitimate Power of a Prince over the People, and of the People over a Prince*. Ed. by G. Garnett. Trans. from the Latin by H. Languet. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urbinati, N. 2012. "Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign." *Politische Vierteljahresschrift* 53 (4): 646–667.